



**ГОГОЛЕВСКИЕ НОЧИ:  
ДИАЛОГ ЮЖНОЙ ЖИВОПИСИ  
И СЕВЕРНОЙ ГРАФИКИ**

Владимир Вайнгорт (Таллин)

Ночь не только присутствует в названии двух повестей диканьского цикла, но и участвует в развитии их сюжетов. Заметим, первое слово заглавия всего сборника — „вечера“.



*„Задумавшийся вечер, мечтательно обнимал синее небо, превращая все в неопределенность и даль“ — третья строчка „Майской ночи“. И чуть дальше: „Огромный огненный месяц величественно стал в это время вырезываться из земли. Еще половина его была под землею; а уже весь мир исполнился какого-то торжественного света. Пруд тронулся искрами. Тень от деревьев ясно стала отделяться на темной зелени“.*

Спустя всего ничего (через три года) выходит „Невский проспект“ и следом другие „Петербургские повести“. Снова картины ночи. Другой — северной. Вместо избыточно яркой барочной живописности суховатая ампирная графика. Прозрачно-сдержанная — будто пером и тушью выполненная, а то прозрачно-пастельная (когда „*в белую ночь город кажется погруженным в мечтательность и задумчивость*“).



Таков ампирный стиль городских повестей, названия которых не похожи на длинные заглавия украинских предшественниц. Они теперь не просто короче, а умещаются в одно слово.

Чиновничьи метаморфозы — главная фантазмагория белых ночей гоголевского Петербурга. *„Таков этот город. Он лжет во всякое время <...> Более всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжет на него <...> когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде“.* Это из „Невского проспекта“. И там же: *„О, не верьте этому Невскому проспекту! <...> Все обман, все мечта, все не то, чем кажется!“*



Тем более не верьте будто „петербургский“ Гоголь перешёл в стан социальных сатириков.

В картинах петербургского цикла появляется новая краска, отражающая обиду на город, не позволивший сделать карьеру мелкопоместному честолюбцу, переросшую затем в незнакомое русской литературе чувство, названное позже Ницше ресентиментом, ошибочно принятое толкователями Гоголя за сатиру. И только спустя столетие другие носители русского ресентимента — Набоков, Белый и вплоть до Синявского назвали это началом русского литературного модерна.



Три мифа, три мира, создал Гоголь: придумал свою Украину, свой фантасмагорический Петербург и римский рай на земле. А ещё выстроил миф о себе. Тоже, наверное, плод ночных размышлений, страхов и надежд. Миф явлен миру в письмах. Аксаков: *„Гоголь выражается совершенно в своих письмах“*, он же замечает, что в переписке *„с разными людьми Гоголь казался разным человеком <...> Одни называли его забавным весельчаком, обходительным и ласковым; другие — молчаливым, угрюмым <...> третьи — занятым исключительно духовными предметами... <...> Гоголя никто не знал вполне“*.



Ночь получает знаковое значение. И в литературе, и в жизни писателя, о чём он пишет в исповедальном „Воззвание к гению“, где снова в полную силу звучит мотив южной ночи. Попадает Гоголь на Украину только в 1835 году. В единственное место на земле, где у него дом: в деревне Васильевка, Диканьского повіту, Полтавской губернии, к восстановлению которого мне повезло прикоснуться. Живёт во флигеле. В господском доме женское царство: мать, сёстры, их челядь. От петербургского дома на Малой Морской, до мелкопоместной усадьбы не только тысячи вёрст. Они из разных цивилизаций. И ночное небо разное.









Игорь Золотусский по поводу мифов о помрачении в последние дни жизни писателя сказал: *„Ни шизофрении, ни психопатии <...> у Гоголя не было“*. И тот же Золотусский полагает, что *„он писал Ивана Александровича <Хлестакова> отчасти с себя“*. То же — по-видимому — относится к Павлу Ивановичу Чичикову.



Главное их отличие от персонажей других современных ему писателей сформулировал Андрей Белый, написавший, что Гоголь первым в России заметил *„протобуржуазный тип“*.



Знаковы последние письма из Италии 1837 года. Гоголь потрясён смертью Пушкина: *„Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр — всё это мне снилось <...> О Пушкин, Пушкин! Какой прекрасный сон удалось мне видеть“.*



А в письме Погодину в ответ на слова о гибели Пушкина и призывом вернуться в Россию пишет: *„Ты приглашаешь меня ехать к вам. Для чего? <...> Ехать, выносить надменную гордость безмозглого класса людей <...> Нет, слуга покорный“.*

Может мы неверно  
понимаем Гоголя?  
Может ближе всех  
к нему Бродский? Тоже  
человек абсолютной  
личной независимости.  
Посмотрим вниматель-  
но на прижизненный,  
с натуры писанный,  
венициановский  
портрет. Это моралист?  
Носитель мировой  
скорби?  
Скорее Хулио Хуренито  
или вовсе Бендер.





**Dixi!**

**Спасибо за внимание**

